

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ СОБРАНИЯ: РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Дмитрий Мережковский



Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить и слушать что-нибудь новое. И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неве дому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую

вам.

(Деян. 17: 21–23)

Начало XX столетия мы недаром называем «серебряным веком» русской культуры. Для русской интеллигенции это не только годы творческих озарений и фее-

рической игры таланта. Сквозь бьющую через край жизнь неожиданно прорывается ощущение призрачности человеческого существования, незащитности человека в мире. Во всем слышен нарастающий апокалиптический ритм:

...И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул.
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.

Почти неуловимое чувство близости конца старого, привычного мира пробуждает в человеке стремление к обновлению души, тоску по миру духовному.

«Мы были все в те годы мучительно заинтересованы загадкой бытия и искали разгадку ее в религии и в общении с людьми, посвятившими себя подобным же поискам», — писал позже Александр Бенуа в своих воспоминаниях.

Действительно, на всех литературных чтениях, выставках, встречах и вечерах, происходивших в Москве и Петербурге, рано или поздно все разговоры сводились к вопросам веры и религии. Интеллигенция в большинстве своем была духовно далека от «ортодоксальной» Церкви, хотя почти все полагали себя христианами.

Поэтому наибольшей популярностью в творческой среде пользовалась теория Дмитрия Мережковского, которую поддерживали Зинаида Гиппиус, Николай Минский, Дмитрий Философов и Василий Розанов. В ней «историческому христианству» и многовековому опыту Церкви противопоставлялось «новое религиозное сознание», явно окрашенное в революционно-мистические тона. Обвиняя Церковь в аскетизме, лишаящем все живое красок, в обрядовости и нежелании замечать человека, Мережковский предлагал создать «новую» церковь, которая соединит в себе черты земного и небесного, освятит собою и жизнь, и науку, и искусство.

Зеленоглазая наяда

Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус – эти имена навсегда соединены с понятием символизма в русской поэзии.



Слева направо: Зинаида Гиппиус, критик и общественный деятель Дмитрий Filosofov, писатель Дмитрий Мережковский. Фотография Карла Буллы. 1914 год.

«Высокая стройная блондинка с длинными золотистыми волосами и изумрудными глазами русалки... бросалась в глаза своей наружностью. Весь Петербург ее знал благодаря этой внешности и частым ее выступлениям на литературных вечерах, где она читала свои... стихи с явной бравадой», – писал о Гиппиус один из петербургских издателей. Что и говорить, не было человека, который не слышал бы об этой необыкновенной женщине. Даже Лев Троцкий, в 1918 году объясняя гражданам, что «Бога нет, ангелов нет, чертей и ведьм тоже нет», тут же оговаривается: «Нет, впрочем, одна ведьма есть – Зинаида Гиппиус».

Гиппиус многолика. Она и поэтесса, и автор серьезных критических статей, и хозяйка шумных литературных вечеров, и высокомерная, циничная дама с папиросой

в одной руке и лорнетом – в другой, а еще она – красивая женщина и жена Дмитрия Мережковского.

Старший символист

Поэт и писатель, глашатай символизма, Мережковский начинал с декадентского отрицания старого мира, с «песен сумерек» тоскующей души.

Так жизнь ничтожеством страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только бесконечной скукой
И тихим ужасом полна,
Что кажется – я не живу
И сердце перестало биться...

Со временем в творчестве Мережковского происходит перелом. Из безысходности рождается жажда чуда, способного оживить погибающую душу. Этим чудом для Мережковского становится эллинистический культ красоты и гармонии мира и человека. В результате на свет появляется роман «Смерть богов. Юлиан Отступник», в котором автор любит героями умирающей античности – эстетами, софистами, гностиками, так похожими на современников самого Мережковского. Тем не менее, именно этим романом Мережковский начинает историческую трилогию «Христос и Антихрист», подчеркивая, что все его творчество так или иначе связано с христианством.

Философски осмысливая христианскую историю, Мережковский считал, что Католическая церковь свою историческую задачу освобождения мира от язычества выполнила, и ей пора уйти со сцены. Будущее общемировое «христианское Возрождение» начнется благодаря Православной Церкви, и его основой станет русская культура. Потому что именно в ней, незаметно для «омертвевших» догматиков, уже происходит раскрытие «настоящего» христианства, подобно закваске, положенной в муку. И когда наконец Церковь сумеет осознать это, тогда явится миру Грядущий Третий Завет – «завет Свободы вослед заветам Закона и Благодати».

Однако ни иерархи Церкви, ни рядовое священство о «предвидениях» Мережковского не догадывались, и следовало, конечно, поставить их в известность.

«Определенно мысль наша приняла такую форму: создать открытое... общество людей религии и философии для свободного обсуждения вопросов Церкви и культуры... Подлинность и святость “исторической” христианской Церкви никем из нас не отрицалась. Но вопрос возникал широкий и общий: включается ли мир-космос и мир человеческий в зону христианства церковного, то есть христианства... хранимого реальной исторической Церковью?» – пишет Гиппиус.

Итак, цель была определена, основная проблема тоже. Не хватало человека, который сможет ярко и талант-

ливо выразить это «желание Бога» наравне с «желанием жизни». Человека, ищущего религии, которая бы вместо «отречения, аскетизма, одиночества... оправдала, освятила, приняла жизнь».

Этим «требованиям» полностью соответство вал Василий Розанов. «Коллежский советник, пишущий сочинения»

Василий Розанов



Сложно представить себе человека более противоречивого, чем В. Розанов. Им зачитывались, его идеи пересказывали друг другу, даже для либеральной творческой интеллигенции Розанов был слегка *enfant terrible*. Писатель с большим религиозным темперамен том, даже страстью, он увидел в учении Церкви один только невыносимый для него аскетизм, так и не заметив за ним самого христианства, не услышав его Благой Вести. Розанов напоминает слепого, взявшегося описывать Сикстинскую Мадонну.

В «историческом христианстве», по Розанову, «ничто из бытия Христа не взято в такой великий и постоянный символ, как смерть. Уподобиться мощам, перестать вовсе жить, двигаться, дышать – есть общий и великий идеал Церкви». Церковь не видит, что «в грусти человек естественный христианин. В счастье – естественный язычник. Две эти категории... не принесены “к нам”, они – “из нас”. Они – *мы сами* в разных состояниях». Земная радость, земная любовь – что может быть прекраснее этого? «Язычество – утро, христианство – вечер... неужели не настанет утра, неужели это последний вечер?» – тоскует Розанов. И это не отвлеченный эллинизм Мережковского, а реальная история жизни писателя, сознательно поставившего все свое творчество в зависимость от собственной судьбы.

Восемнадцатилетним юношей Розанов обвенчался с сорокалетней Аполлинарией Сусловой, бывшей любовницей Ф.М. Достоевского. Брак оказался трагическим. Она, по словам Гиппиус, «живя с ним, не только истерзала его, но и на всю последующую жизнь его наложила свою злую лапу». Проще говоря, категорически отказалась дать развод. «Что Бог сочел, того человек не разлучает», – язвительно отвечала она на все просьбы и уговоры.

Поэтому по законам Российской империи второй брак Розанова считался гражданским, а пятеро детей, в нем рожденных, – незаконнорожденными. Именно этот

факт и послужил началом отторжения Розанова от Церкви. От Церкви, но не от Христа. «Боже Вечный, стой около меня. Никогда от меня не отходи», – заклинает он.

Гиппиус пишет: «Розанов к Нему был страстен... Христос – Он свой, родной, близкий. И для Розанова было так, точно этот живой, любимый его чем-то ужасно и несправедливо обидел, что-то отнял у него и у всех людей, и это что-то – весь мир, его светлость и теплоть».

Отнял и семейное, ничем не замутненное счастье. Вторая жена Розанова, вдова священника, до конца своих дней (несмотря на тайное венчание) переживала это «сожителство» как глубочайшую трагедию, а ее муж не мог изменить существующее положение вещей. Не мог, но и мириться с этим не хотел.

Если Церковь поставила на место жизни – смерть, на место семьи – аскезу, если Церковь говорит лишь о душе, то он, Розанов, поставит на первое место плоть.

«Пол – не орган и не функция... но зиждительное лицо... для разума он непостижим, но он есть, и все сущее из Него и от Него, – утверждает Розанов. – Связь пола с Богом большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом». Человек «включен в порядок природы, и точка этой включенности и есть пол как тайна рождения новой жизни». Именно эта «творя-

щая» функция пола и дорога Розанову, без нее человек не может ни жить, ни дышать. Удивительно, но цельного человека Розанов просто не видит, человек как-то сразу распадается у него на дух и плоть, и только плоть является истинным началом, заложенным в человека. Союз мужчины и женщины есть самое прекрасное, благодаря этому союзу в мир рождаются дети, благодаря этому продолжается сама жизнь. И не имеет никакого значения, освятила ли Церковь этот союз, ведь он изначально благословлен Богом.

«Девушки, девушки – стойте в вашем стоянии! Вы посланы в мир животом, а не головою: вы – охранительницы Древа Жизни...» – пылко восклицает Розанов в сборнике «Опавшие листья».

Розанов был готов сражаться за «своего» Христа и принял мысль о Религиозно-философских собраниях горячо и радостно. Идея понравилась и Александру Бенуа, и Леону Баксту, и Николаю Минскому, и даже Сергею Дягилеву. Такого в Петербурге еще не было!

Оставалось убедить в необходимости этих встреч противоположный лагерь, и в первую очередь обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева.

«Победоносцев над Россией простер совиные крыла»

Так охарактеризовал эпоху, связанную с его именем, Александр Блок. До самой своей смерти в 1907 году Победоносцев оставался обер-прокурором Синода. Уже откатилась волна революции 1905 года, принесшая стране и Конституцию, и упразднение предварительной цензуры, а Победоносцев юридически оставался тем, кто говорил «да» или «нет» на любое живое движение души в России. «Не надо», – были его любимые слова. Победоносцев считал, что народу, о котором радел, *не надо* понимать слова молитв, *не надо* задумываться над смыслом богослужений, поскольку истина постигается не разумом, но верой, «стоящею выше всех теоретических формул и выводов разума». Веры же этой, искаженной полуязыческими преданиями и обрядоверием, у патриархального русского народа было и так достаточно.

Богословия и всяких «исканий истины» обер-прокурор не любил и боялся, он не хотел, чтобы о вере размышляли и говорили. Все эти «духовные поиски» есть только упражнения любопытного и праздного ума, а простого человека, живущего правильно и честно, только сбивают с толку.

Интересно, что Победоносцева равно пугали и Лев Толстой, и Владимир Соловьев, и... святитель Феофан Затворник, и преподобный Серафим Саровский, причем последние двое едва ли не больше первых.

Милее всех его сердцу были сельские пастыри и их малограмотные чада. От них не приходилось ждать сюрпризов, они были залогом надежности и неизменности. И вот от такого человека надо было получить согласие на проведение встреч явно вольнодумной интеллигенции с духовенством.

Не по закону, но и не вне

Это была захватывающая, увлекательная игра: заставить Победоносцева дать «разрешение».

Гиппиус так рассказывает об этом: «В предварительных обсуждениях плана действий Розанов мало участвовал. Никуда не годился там, где нужны были практические соображения и своего рода тактика. Он не понимал органически никакого “секрета” и невинно выбалтывал все, что знал, кому придется... Понемногу наметилась дорожка за плотный занавес». Этой «дорожкой» стал Валентин Тернавцев, чиновник по особым поручениям при обер-прокуроре Священного Синода, о котором Сергей Маковский вспоминает: «Не будь его, вряд ли вышло бы что-нибудь из затей, для того времени чрезвычайно трудно осуществимой. Он один сумел говорить с представителями Церкви как свой человек, принадлежащий ей умом и сердцем, и таким же своим казался он и не церковным слушателям, далеко не разделявшим его безоговорочной веры... Человек яркого ума, высокой духовности и непо-

колебимой нравственной воли». Именно Тернавцев сумел убедить ближайшее окружение Победоносцева в необходимости этих собраний.

8 октября 1901 года состоялась встреча учредителей Религиозно-философских собраний Дмитрия Мережковского, Дмитрия Filosofova, Василия Розанова, Виктора Миролубова и Валентина Тернавцева с обер-прокурором. И вот под флагом миссионерских беседований между «представителями Церкви и людьми, ищущими религиозной истины», в получастном порядке, без официального устава, такие встречи были разрешены.

Вечером того же дня учредителей в полном составе (включая Гиппиус, Бакста и Бенуа) принял в лавре митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний . Владыка благословил проведение собраний и обещал свою искреннюю поддержку начинающемуся делу. После аудиенции «более всего разговору было о поразившем нас белом клобуке с бриллиантовым крестом и о красоте и величественно-ласковой осанке митрополита Антония», — пишет Александр Бенуа в «Моих воспоминаниях».

Пастырь добрый

Митрополит Антоний



Бриллиантовый крест на митрополичьем клобуке... Единственная «роскошь» владыки Антония. В остальном он был настоящим бесребренником: ездил в простой карете, отменив парадный выезд; свое годовое содержание и долю так называемого «кружечного сбора» передавал благотворительным организациям, а остальные деньги раз давал нуждающимся клирикам и их семьям. Все, кто был знаком с

этим замечательным человеком, отмечали его сердечность, доброжелательность и деликатность.

Митрополит Антоний восстановил до петровский обычай посещения тюрем на Светлой седмице и в праздник Рождества Христова. Ездил в тюремные больницы, организовывал сборы пожертвований для заключенных. При нем было создано Предсоборное присутствие, что сразу поставило митрополита в ранг либеральных иерархов Церкви.

Определение Святейшего Синода о графе Льве Толстом 1901 года – свидетельство об отпадении Толстого от Церкви – плод редакторской работы митрополита Антония. В первоначальном варианте, составленном Победоносцевым, речь шла об отлучении от Церкви, владыка же оставлял дверь открытой: Толстому надо было только постучать в нее.

Троицкий собор Александро-Невской лавры, 1912 год. На отпевании митрополита Антония среди архиереев рядом стоят архиепископы Сергей (Страгородский) и Антоний (Храповицкий), ближайšie помощники митрополита Антония во всей предсоборной деятельности. Пройдет время, и именно они будут нести перед Богом ответственность за всех русских людей, не отступивших от своей веры, – и в Советской России, и за границей: митрополит Сергей станет Патриаршим Местоблюстителем, а впоследствии Патриархом Московским и всея Руси, а митрополит Антоний возглавит Русскую Православную Церковь Зарубежом.

«Они шли навстречу миру с открытым сердцем»

Итак, Религиозно-философские собрания были разрешены. Председателем совета собраний стал ректор Санкт-Петербургской духовной академии, епископ Ямбургский Сергей (Страгородский), вице-председателем – архимандрит Сергей, ректор Петербургской семинарии.

Давая оценку духовенству, участвовавшему в собраниях, Мережковский писал: «Они шли навстречу миру с открытым сердцем, с глубокой простотой и смирением, со святым желанием понять и помочь, “взыскать погибшее”».

Для проведения собраний был выбран малый зал Императорского Географического общества. Во всю его длину стоял стол, покрытый зеленым сукном, по стенам были расставлены дополнительные кресла для гостей. Статую Будды, стоявшую в углу, закутали темным коленкором. «Подальше от соблазна», – иронично отреагировала увидевшая это Гиппиус.

На первом же заседании в зале не оказалось ни одного свободного места. «Тут и архиереи – вплоть до мохнатого льва Иннокентия (Беляева – М.В.), и архимандриты – до аскетического Феофана... Тут же и эстеты, весь “Мир искусства” до Дягилева. Студенты светские, студенты духовные... и наконец самые заправские интеллигенты, держащиеся с опаской и любопытством», – вспоминает Гиппиус.

Будущие оппоненты с интересом приглядывались друг к другу.

Во вступительной речи епископ Сергей сказал: «Нам тяжело наше разъединение и взаимное непонимание. Нас тяготит сознание всей пагубности этого разъеди-

нения и всей нашей ответственности за него. Нам нужен путь к единству, чтобы... потом вместе жить и работать на общерусскую пользу».

После владыки Сергия с программным докладом «Русская Церковь перед великой задачей» выступил Валентин Тернавцев. Итальянец по матери, высокий, плотный, чернобородый, обладавший выраженным южным темпераментом, Тернавцев производил неизгладимое впечатление. Но то, что он хотел донести до слушателей, оказалось не менее впечатляющим.

Вкратце описав ситуацию в России, докладчик признал ее безвыходной. Причину он видел в неразрешимых противоречиях между верховной властью и бюрократией, между народом, живущим по идеалам церковным, и земством, не желающим с этим считаться, между Церковью, светской мыслью и образованием. Объединить все эти силы для возрождения России может только Церковь. Но Церковь проповедует небесное и устраняется от земного, социального служения, а интеллигенция все свои силы отдает лишь служению гуманистическим идеалам, не подкрепляя их духовно.

«Наступает пора не только словом, но и делом показать, что в Церкви заключается не один лишь загробный идеал. Наступает время открыть сокровенную в христианстве правду о земле – учение и проповедь о христианском государстве». По мысли Тернавцева,

должно произойти «религиозное перерождение самого должностного самочувствия власти». «Наступает время, когда вопрос о Христе станет для власти вопросом жизни и смерти, источником бесконечной надежды или бесконечного ужаса... Это ново в христианстве, и в этом для России путь религиозного творчества и откровения о всемирном спасении... И можно считать уже вполне свершившимся фактом, что проповедовать в России – значит проповедовать на весь мир», – триумфально закончил свою речь Тернавцев.

Гиппиус пишет, что доклад Тернавцева очень понравился «всем светским», ведь речь, по их мнению, шла о том, могут ли существующие христианские конфессии, и в первую очередь Православная Церковь, ответить на накопившиеся за века «всечеловеческие вопросы», положив этим начало религиозного объединения человечества. Ответное слово взял председатель собраний.

Епископу Сергию удалось унять «бурные восторги» и направить обсуждение доклада в адекватное русло: согласившись с Тернавцевым по вопросу о необходимости возрождения России, он указал на то, что любая благая цель на земле «может быть достигнута и при наличных (то есть существующих) церковных идеалах». «Когда представители Церкви действительно устремились к небесному, они достигали и земного», – разъяснил свою мысль владыка.

Обсуждение темы продолжалось до позднего вечера. Вернувшись домой, растроганный Мережковский записал: «Епископ духом своим показал, как надо вести себя: своего не искать, а чужое беречь... Тщеславие и самолюбие умерли, а забила живая струя духовных интересов».

Великий и ужасный

Конечно, на повестку дня собраний был вынесен и вопрос «об отлучении Льва Толстого от Церкви», волновавший тогда практически всю Россию. Основным докладчиком на этом заседании был Дмитрий Мережковский. Стараясь быть объективным, Мережковский сначала подробно обрисовал возмущение либеральной печати по поводу «позорного акта». «Передовая» общественность припомнила Церкви всё, даже насильственное Крещение Руси святым князем Владимиром («кто не придет завтра к Днепру, тот не друг князю...»).

Часть «светской» стороны активно поддерживала эту точку зрения. Не следует забывать: Толстой был кумиром многих и многих. По всей России создавались «толстовские общины», что вынудило духовенство не менее эмоционально указать на явное оскорбление Толстым и самого института Церкви, и всех ее Таинств.

Окончив основную часть, Мережковский высказал свою личную точку зрения: «В толстовском нигилизме

вся пост петровская культурная Россия... , что борется с Церковью, то есть с историей, с народом, за свое спасение, – на самом деле борется за свою гибель: страшная борьба, похожая на борьбу самоубийцы с тем, кто мешает ему наложить на себя руки».

Это был совершенно неожиданный поворот дискуссии. В первую очередь, потому, что напрямую задевал присутствующих представителей этой самой культуры. Поднялся шум, отовсюду доносились выкрики, полные взаимных претензий. Возможно, именно на этом собрании побывал Максимилиан Волошин, описавший то, что увидел, так: «Бледные и испитые лица петербургских литераторов попеременно с черными клобуками монахов, огромные седые бороды и живописные головы священников, лиловые и коричневые рясы; острый трепет веры и ненависти, пронесившийся над собраниями, – все это рождало смутное представление о раскольничьем соборе XVII века».

В результате проблема взаимоотношений Толстого и Церкви переросла в бурное обсуждение отношений Церкви и самодержавной российской государственности, включая синодальное управление. Высказаться хотели все без исключений, поэтому председательствующему пришлось перенести дискуссию на последующие собрания.

«Вечная» тема

После обсуждения с владыками Антонием и Сергием было принято решение посвятить несколько заседаний вопросу о христианском браке, чтобы дать возможность высказаться обеим сторонам. Это была «розановская» тема, созвучная его «Семейному вопросу в России», тема болезненная, лично им выстраданная. Ему было что сказать. Вплотную к ней примыкала и общая для Розанова и Мережковского теория «святой плоти», противостоящая церковному аскетизму.

На собраниях Розанов очень редко вмешивался в прения, в основном слушал и быстро писал свои комментарии в записную книжку. Но сам их не читал, а доверял кому-нибудь другому, более того – никогда не было известно заранее, кто на этот раз будет «голосом Розанова».

Тему открыл своим докладом «О браке (психология таинства)» иеромонах Михаил (Семенов). Гиппиус так пишет о нем: «Иер. Михаил слыл “ученым богословом”... имел он и “светскую” образованность, знакомство с современной литературой, поэзией... Он был наслышан, конечно, что писатель Розанов, специально занимающийся “брачным вопросом”... обвиняет “монашествующих” и самоё Церковь, что приверженность к аскетизму заставила их “косо смотреть” на брак и семью... Иер. Михаилу и подумалось, наверно, что начи-

нать надо прямо с розановской темы».

Слушая доклад, Розанов в записной книжке немедленно набросал ответ: «Мужчина и женщина в брак христианский не входят, супружество в брак христианский не входит, рождение в брак христианский не входит. Церковь не брак любит, не супружество, не детей, но те курульные кресла, на которых она восседает при заключении брака... Церковь радеет только за девство, истинное учение Церкви, конечно, *против* брака».

Когда комментарий Розанова был озвучен, со стороны духовенства выступил протоиерей Иоанн Егоров. Он сказал: «Девство – это первобытная красота, Богом созданная природа человека... Христианство, проповедующее девство, проповедует девство природы во всех отношениях».

Ответ Розанова был провокационным: «Вопрос о браке и девстве будет тогда исчерпан, когда будет решено, что выше: брак или девство. Докладчик говорит, что девство выше... Я укажу противоположное... Что такое человек? Образ и подобие Божие. Что такое Бог? Троица, которая, как известно: Отец и Сын и Дух. Спрашивается, что такое третье? На это обыкновенно отвечают молчанием, но в одной книге сказано: мать. Дух Святой – мать. Божество по существу есть семья: Отец, Сын и Мать». Такого, конечно, никто не ожидал, даже духовенство растерялось. Возникла пауза.

Но триумф не состоялся. Со своего места поднялся писатель и богослов М.А. Новоселов. В его резких словах звучало осуждение всех «светских», не понимающих и не признающих божественности Церкви. Особенно «досталось» Розанову: ему Новоселов напомнил слова апостола Павла: «...их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их в сраме: они мыслят о земном». «Когда речь была окончена, возражать никому не хотелось. Мережковский заметил только, что с “христианской точки зрения, не следовало обвинять всех так кроваважно», – признает Гиппиус.

Но Розанов не сдавался, ведь за ним оставалось еще право основного доклада. К следующему заседанию доклад был готов. Предоставим слово самому автору: «Я предложил, чтобы новобрачные первое время после венчания оставались там, где и повенчались... Мне представлялась ночь и половина храма с открытым куполом, *под звездами*, среди которого подымаются небольшие деревца и цветы... Вот тут-то, среди цветов и деревьев под звездами, *в природе* и вместе с тем *во храме*, юные проводят неделю, две, три, четыре... Разве... на богослужении нашем не возглашается: “Говорю вам, что *Царствие Божие подобно Чертогу Брачному*...”?.. Внести в нашу церковь *Чертог Брачный* и была моя мысль... При этом, разумеется, никаких актов (как предположил епископ Антоний (Храповицкий. – М.В.) на виду не будет, так как после грехопадения всему этому указано быть в тайне и сокровении... и именно

для воспоминания об этом... отдельные чертоги (в нишах стен...) должны быть завешены кожами, шкурами зверей, имея открытым лишь верх для соединения с воздухом храма».

Автор предполагает, что этот фрагмент в комментариях не нуждается. Розанову удалось донести свои многолетние претензии до адресата.

«Укажите нам путь»

Наконец в феврале 1903 года подошли к «святая святых» – вопросу о «догматическом развитии». Спорили, собственно, не столько о развитии существующих догматов (в буквальном смысле слова), а о возможности «новых откровений», касающихся развития христианского творчества и культуры. Не следует забывать, что все присутствовавшие миряне считали себя христианами и этот вопрос напрямую относили к себе.

Протоиерей Сергей
Соллертинский



Поставленные темы звучали так:

- Можно ли считать догматическое учение Церкви завершенным?

- Осуществлены ли в действительности европейского человечества (в государстве, обществе, семье, культуре, - искусстве) откровения, - заключенные в христианстве?
- Возможно ли дальнейшее религиозное творчество в христианстве, каковы его пути, каким образом оно может быть согласовано со Священным Писанием и Преданием Церкви, канонами Вселенских соборов и учениями святых отцов?

При обсуждении этих, прямо скажем, «неподъемных» вопросов разделение произошло и в церковных рядах. Профессор богословия Петр Иванович Лепорский сразу ответил на все вопросы отрицательно. Невозможно ни «количественное приумножение догматов», ни даже дальнейшее постижение заключенной в них тайны. «Догматика только констатирует факт», – подчеркнул он. Оспаривая это утверждение, профессор Александр Иванович Бриллиантов заметил, что «настаивать на непостижимости откровения – значит отрицать само понятие откровения... откровение нужно усвоить верой и знанием...»

Его поддержал и протоиерей Иоанн Слободской: «Нужно раскрывать все более и более опытом ума данную нам истину, воплощать ее в новых выражениях, и это новое будет свидетельствовать о жизни Церкви, об истинной жизни религиозного сознания... Развитие догматов есть не что иное, как развитие всей нашей

жизни, самого человека по образу Христа».

Интеллигенция заволновалась: можно ли жить и вдохновляться догматами, и как этого добиться? Существующие догматы, пусть и данные через Откровение, для этого не подходят.

Благодаря Розанову, заявившему, что «Бог есть милое из милого, и вот, как начали “догматики” строить, Христос заплакал и отошел от строящих». Встал вопрос о «новом откровении», которое должно освятить «радостное, земное» творчество.

Розанова поддержал Мережковский. Речь шла о том, возможно ли поставить дары духовные на службу дару творчества: «Если каждый момент молитвы – откровение, отчего вы не допускаете, что будут откровения, от которых зависят судьбы мира, новый образ Церкви, новый образ нравственности?» Вопрос этот относился напрямую к епископу Сергию как возглавляющему «церковную» часть собраний. Владыка ответил: «В моей одиночной молитве бывают откровения. Но все эти откровения не имеют никакого значения, например, для науки и искусства».

Духовенство давало понять своим оппонентам, что категорически не хочет вступать на путь обсуждения абстрактных религиозно-философских конструкций, а будет и дальше неустанно оберегать порученное ей Бо-

гом наследство.

Слова профессора духовной академии протоиерея Сергея Соллертинского еще больше подчеркнули безнадежность создавшейся ситуации. Обращаясь к оппонентам, он заметил, что «в то время, когда голова очень просвещена и способна понимать глубины христианства, наши поступки являются не только не христианскими, но в полном смысле языческими... Не следует ли все силы нашего развитого разума сосредоточить на... нравственных задачах?..»

Это уж было совсем обидным. Мало того, что предложение выступить единым фронтом на благо человечества Церковь не принимает, еще и указывает интеллигенции на то, что начинать надо с малого, то есть с себя, а потом уже радеть обо всех живущих на земле.

В ответ от имени всей «светской» стороны высказался Мережковский: «Для нас христианство в высшей степени неожиданно, празднично. Вот мы именно эти непризванные, неприглашенные на пир – прохожие с большой дороги: мытари, грешники, блудники, разбойники, анархисты и нигилисты. Мы еще в темноте нашей ночи, но уже услышали второй зов Жениха, но робко, стыдясь своего неблагообразного, не духовного, не церковного вида, подходим к брачному чертогу... а мертвая академическая догматика – это старая, верная прислуга Хозяина, которая не пускает нас... Мы при-

шли радоваться празднику, и этому ни за что не хотят поверить... Богословы слишком привыкли к христианству. Оно для них серо как будни...»

Эти слова Мережковского оказались не только логическим, но и фактическим окончанием полугодовых встреч. В марте 1903 года устным распоряжением Победоносцева Религиозно-философские собрания были запрещены.

Эпилог

Примирение интеллигенции с Церковью оказалось невозможным. Идя на «зов Жениха», интеллигенция несла с собой невыносимо тяжелый груз – высокоумия, рефлексии и героического пафоса ниспровергателей «всяческой неправды».

Пожалуй, легче было верблюду пройти в «иглиные уши», чем интеллигентам разглядеть Истину, хранимую Церковью.

Жизнь русской интеллигенции шла дальше. Сочиняли, писали, витийствовали... Вопросы «правильной» веры или ее отсутствия все так же будоражили умы.

Скоро все изменится. Революция 1917 года кровавым катком пройдет по судьбам миллионов людей. Горе очистит сердца и все лишнее оставит позади – тогда то,

что было предметом отвлеченных рассуждений, станет последней и единственной надеждой. И для многих примирение состоится.

Мария Винарова
pravoslavie.ru

